

Έ ΕΟΔΑΟΟΔΑ Ε Ι ΑΑΕΟΕΙ Α:ΟΔΑΙ ΝΟΙ ΔΙ ΑΟΕΒ
 Ι ΑΔΑÇΑ ΑΔΑ×Α Α ΔΟΝΝΕΙ Ε ΕΕΟΔΑΟΟΔΑ XIX ΑΑΕΑ*

© Ε. Α. Ααδαί ί άα

Ααδαί ί άα Έδεί ά Αεάεναάαί ά
 άήί έδαί ό έάΌάάδύ
 Όεεί ήί Όεε
 αοι αι έοαδί ύο Όαέοεουαοί ά
 Ναι αόηεέ
 άί ήάάδηόαί ί ύέ όί έάάδηέδαό

Α ήαούά ί άί άύαπόηύ έερ-άάύά ί δάαήααέαί έу ί άδα-
 =αο έ ί άαεοεί ά ά όηηεί έ έεοάδαοόδα XIX άάεά, ί ί έαçaί ί
 άçaεί ί ί ά άεуί έά έεοάδαοόδύ έ ί άύαήοάά ί ί έ άεçί έ,
 έεοάδαοόδύ έ ί άάεοεί ύ. ί ά ί δει άδα όδαί ήόί όί αόεε
 ί άδαça άδα=ά ά όηηεί έ έεοάδαοόδα έεαçaί ί ί άί ί άδεί άά
 άαόί ό ί ί έαçύάαάο, έαε έεοάδαοόδα ήοάί ί αεοήу +άηοур
 ί άύάάί δαçaέοеу ί άύαήοάа, ί δάαεαάό άεοάεуί ύά έεу-
 όόδύ ύά έί ί όάί ύύ.

Έεр-άάύά ήεί άа: образ врача, трансформация, душа,
 тело, страдание.

Образ врача — не самая популярная тема в отечественном литературоведении. И хотя литературоведы и культурологи не раз отмечали наличие большого потенциала в изучении данного вопроса, все же, в основном, об образах врачей в русской литературе говорится как об «имеющих большое значение» без пояснения данной формулировки, либо встречаются попытки свести их к некоему общему знаменателю, хотя в действительности они претерпели значительные изменения и могут быть подвергнуты обобщению только весьма условно.

Можно согласиться, что образ врача чаще всего является одним из самых интересных, глубоких и важных не только потому, что указанный период времени богат произведениями, которые могут послужить примера-

* Стáтя подготовлена в рамках исследования, получившего грантовую поддержку (Президентский грант МД-333.2009.6).

Έεοάδαοόδα έ ί άάεοεί ά: όδαί ήόί όί αόеу ί άδαça άδα=ά ά όηηεί έ έεοάδαοόδα XIX άάεά

ми связи медицины с литературой. Конечно, среди писателей и других деятелей русской культуры врачи тоже не были редкостью¹, но связь русской литературы и медицины проявляется не столько на уровне количественных упоминаний тех или иных медицинских реалий, сколько в общей атмосфере и склонности авторов, по выражению К. А. Богданова, к «патографическому дискурсу»². Психолингвист В. П. Белянин, проанализировав значительную часть русской классической литературы, сделал вывод, что большая ее часть «оказывается “печальной”»³. В 1924 г. М. Горький высказался о русской литературе весьма саркастически: «Русская литература — самая пессимистичная литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, — в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть»⁴. Впрочем, можно встретить и более решительные отзывы, согласно которым «моральный мазохизм и культ страдания»⁵ являются определяющими характеристиками русской литературы и культуры в целом.

Таким образом, можно сказать, что изображение врачей, их взаимоотношений с пациентами и различного рода болезней, как правило, является лишь частью общей картины «тотального заболевания общества» и не является самоцелью. Только рассмотрев трансформацию образа врача в русской литературе, можно увидеть, что он не только передает представление о медицине как о социальном явлении с присущими ему предметами времени, но и порождает новое, более глубокое его понимание. Такая трансформация генетически связана с теми изменениями, которые претерпела вся русская литература и культура на протяжении XIX века. Но здесь сразу следует оговориться, что нас, прежде всего, интересует именно изменение образа врача в литературе XIX века, а не наличие образа врача в каждом конкретном произведении. В названный период образ врача встречается у широкого круга писателей и в большом количестве произведений. Исследовать их все — задача для чрезвычайно интересного и важного, но большего по объему исследования, чем настоящая статья. Мы скорее наметим линию, по которой шло изменение этих образов, поэтому в качестве примеров будем приводить только те произведения, которые, на наш взгляд, внесли большой вклад в изменение представления об образе врача как среди литературоведов, так и среди широкой читающей публики.

¹ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVII—XIX веков. М.: ОГИ, 2005. С. 9—33.

² Там же. С. 9.

³ Белянин В. П. Тексты о смерти в русской литературе // www.textology.ru/article.html

⁴ Цит. по: Богданов К. А. Указ. соч. С. 22.

⁵ Ярская-Смирнова Е. Р. Русскость как диагноз // www.soc.pu.ru/publications/jssa/2000/1/19jarskaja.html

Прежде всего, стоит отметить, что врач не всегда воспринимался как герой, ведающий не только телом пациента, но и его душой. Еще в послепетровской России, не смотря на правящий дух рационализма и активную пропаганду науки вообще и медицины в частности (так, например, в журналах того времени можно было встретить наряду с художественным, историческим, философским и научно-медицинские тексты), профессия лекаря была не в чести⁶. В русском фольклоре указанного периода, а также в эпиграммах преимущественно встречается скептическое или даже явно враждебное отношение к медицине и врачам. Исследователи связывают это, во-первых, с греховным, с точки зрения простого народа, стремлением лечить болезнь как нечто отдельное от души пациента. Стоит напомнить, что до появления медицины функции врачей выполняли разного рода целители, знахари либо представители церкви (чаще всего, монахи). Считалось, что болезнь — это продолжение личности и следствие жизни пациента. Болезнь — наказание за греховную жизнь и приверженность одному или нескольким порокам. Исцелив душу, больной, как правило, излечивал и тело (этот мотив, например, достаточно распространен в житиях святых)⁷. Кроме того, в подобных текстах часто можно было встретить практически анатомические подробности при описании смерти и болезней, которые были призваны продемонстрировать бренность телесной оболочки и напоминали об «иной участи человеческой души», то есть преследовали дидактические цели. Внезапный отрыв от привычной традиции вызывал недоверие. Кроме того, вплоть до середины XIX в. большинство врачей в России были иностранцами. Таким образом, чуждость профессии как бы усиливалась чуждостью происхождения⁸. Многочисленные примеры этого можно встретить уже не только в фольклоре или эпиграммах, но и в литературе «среднего» стиля, вроде романов Ф. Булгарина или В. Нарезного, а также в классических текстах русской литературы. Достаточно вспомнить лирического героя А. С. Пушкина, который счастливо «ускользнул от Эскулапа, худой, обритый, но живой»⁹, и образ Христиана Ивановича Гибнера, уездного лекаря, способного произнести только звук, «отчасти похожий на букву “и” и несколько на “е”»¹⁰, из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

В традиционные романтические произведения образ врача проникает вместе со свойственной им эстетикой жизни как страдания, упадка, разрушения, муки, которая заканчивается только со смертью. Литераторы

⁶ Богданов К. А. Указ. соч. С. 81—82.

⁷ Смелянская Е. Сакральное и телесное в народных повествованиях XVIII века о чудесных исцелениях // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. ст. М. : Новое издательство, 2006. С. 28—40.

⁸ Богданов К. А. Указ. соч. С. 119—140.

⁹ Пушкин А. С. NN (В. В. Энгельгардту) («Я ускользнул от Эскулапа...») / А. С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. I. С. 72.

¹⁰ Гоголь Н. В. Ревизор // Полное собрание сочинений. В 14 т. / Н. В. Гоголь. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 4. С. 13.

эпохи романтизма не скупаются на физиологические подробности, чтобы подчеркнуть разрыв с традицией сентиментализма. «Медицински детализованные картины болезни, смерти и посмертного разложения выражают радикализм “новой литературы” и “новой философии”»¹¹. И хотя подобные произведения имеют много общего с народными и религиозными представлениями о душе, заточенной в телесную оболочку, все же здесь тема смерти лишена дидактической однозначности лубочных текстов. Появляется своеобразный мотив любви к смерти и жажды смерти. Смерть воспринимается как лекарство от всех мирских горестей и болезней. В эстетику романтизма входят сочинение эпитафий, присутствие на похоронах, на кладбищах, разглядывание мертвых тел и т. п. Возникает мотив надежды на «потустороннее выздоровление».

Пропаганда научного знания, его распространение и возрастающий интерес к нему читающей публики постепенно приводят к тому, что романтическая эстетика заметно тривиализируется, появляется большое количество пародий на произведения «кладбищенской» поэзии и, в конечном итоге, его популярность угасает. В обществе наиболее распространенным представлением о теле становится понимание его как некой целостной и неизменной данности, а анатомические исследования и опыты вызывают интерес не только у ученых, но и у светской публики, многочисленные подтверждения этому можно найти в дневниках, воспоминаниях и письмах современников¹².

В этой связи особенно интересным представляется образ доктора Вернера из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», который является отчасти романтическим и отчасти реалистическим героем. С одной стороны, «он скептик и материалист, как все почти медики»¹³, а с другой — «неровности его черепа поразили бы любого френолога странным сплетением противоположных наклонностей», а «молодежь прозвала его Мефистофелем»¹⁴. В этом персонаже одинаково легко обнаружить как демонические черты, так и его необыкновенную человечность и даже наивность. Например, Вернер прекрасно разбирался в людях, в свойствах их характера, но «никогда не умел воспользоваться своим знанием», «насмехался над своими больными», но «плакал над умирающим солдатом»¹⁵. Этот персонаж указал направление, в котором развивался образ врача в русской литературе, — от доктора Крупова А. И. Герцена до Базарова И. С. Тургенева.

«Доминирующей особенностью медицинской теории второй половины XIX в. становится апология “лаборатории” в противовес клиническому наблюдению пациента “у постели” дома и в госпитале»¹⁶, — пишет

¹¹ Богданов К. А. Указ. соч. С. 164.

¹² См.: Стоцик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX в. М. : Медицина, 1999. 297 с.

¹³ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 93.

¹⁴ Там же. С. 94.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Богданов К. А. Указ. соч. С. 19.

Κ. Α. Богданов. Очевидно, что в этой атмосфере человеческий контакт пациента и врача отходит на второй план. В эпоху великих открытий в медицине медицинской этике уделялось намного меньше внимания. Медики этого периода чаще всего изображаются в литературе нигилистами или материалистами, разочаровавшимися в человеческой природе¹⁷. Если в литературе второй половины XIX века и встречается положительный образ врача, то, по замечанию Е. С. Неклюдовой, он, как правило, чудак, одинок и несчастлив в семейной жизни. Занимаясь по роду своей профессии человеческим телом, он не разбирается в человеческой душе¹⁸. Помогая людям жить, он, тем не менее, сам глубоко разочарован в жизни. Так, в русской литературе появляется образ врача, ответственного не только за здоровье человека, но и за смысл его существования. Например, доктор Крупов из одноименной повести А. И. Герцена, который начал свою карьеру врача, движимый желанием помогать людям. Он верил, что человеческое существо устроено разумно и по подобию Божьему, но, перейдя, однако, от теории к практике, обнаружил, что болезнь и патология также являются частью человеческой природы. По роду своей профессии имеющий дело, в основном, с болезнями, Крупов приходит к выводу, что ходом истории правит не разум, а безумие, что человеческое сознание больно, что не существует здорового человеческого мозга, как не существует в природе «чистого математического маятника»¹⁹. В романе «Кто виноват?» Крупов уже «не столько лечит, сколько размышляет о житейском и устраивает судьбы Круциферских, Бельтова и др.»²⁰. Вообще во всем романе, в отличие от повести «Доктор Крупов», сделан акцент на социальную природу болезни. А. И. Герцен говорит, скорее, о «болезни общества», поэтому здесь профессия Крупова приобретает символическое значение.

Другой известный образ врача второй половины XIX в. — образ студента-медика Базарова из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Этому персонажу повезло чуть больше, чем большинству врачей в русской литературе, ему посвящен не один научный труд, поэтому мы не будем подробно останавливаться на этой фигуре. Достаточно будет сказать, что этот образ сильно отличается от образа доктора Крупова. Принадлежность Базарова к врачам не имеет такого глубоко символического значения, как у Герцена. Некоторые исследователи отмечают, что профессия Базарова на протяжении романа остается как бы на периферии, на пер-

¹⁷ *Мертен С.* Поэтика медицины: от физиологии к психологии в раннем русском реализме // *Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика* : сб. ст. М. : Новое издательство, 2006. С. 103—122.

¹⁸ *Неклюдова Е. С.* Домашний врач и женские тайны // *Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах.* СПб. : Алетейя, 2001. С. 363—364.

¹⁹ *Герцен А. И.* Доктор Крупов // *Собр. соч.* в 9 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 8. С. 434

²⁰ *Аникин А. А.* Образ врача в русской классике // www.portal-slovo.ru/philology/37293.php?ELEMENT_ID=37293.html

вый же план выходят его уверенность в собственном знании жизни и людей, на деле же — его полная неспособность разрешить даже собственные житейские и мировоззренческие противоречия, он плохо знает и плохо разбирается даже в себе, поэтому многие его мысли, чувства, поступки оказываются такими неожиданными для него самого. Однако тема связи болезней и устройства общества не обойдена стороной и в этом произведении. Склонный к упрощениям Базаров говорит: «Нравственные болезни... от безобразного состояния общества. Исправьте общество — и болезней не будет»²¹. Многие высказывания Базарова звучат достаточно смело, однако это скорее намеки на поступки, чем сама деятельность.

Во второй половине XIX в. образ врача-нигилиста становится очень распространенным. Бытует представление о враче как о грубом материалисте, которого интересует только телесная оболочка человека. В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» главная героиня, описывая общество, которое собирается за столом в ее доме, говорит о докторе: «... молодой человек, не то что совсем нигилист, но, знаешь, ест ножом»²². Каренина и Вронский, нарушив законы света, вынуждены собирать у себя общество практически неприличное для людей их положения. Молодой доктор кладет пищу в рот ножом, а не вилкой, «ест ножом», демонстрируя свои дурные манеры. «По мнению Анны, такие дурные манеры должны были быть у «нигилистов»»²³, — пишет С. Л. Толстой. О. С. Муравьева указывает, что «вскользь брошенная толстовской героиней реплика о молодом докторе, который “не то что совсем нигилист, но ест ножом”, свидетельствует, что четкая связь между идейными позициями и бытовыми навыками была закреплена на уровне бытового сознания»²⁴. То есть, когда мы говорим, что в обществе существовал образ врача как грубого материалиста, слово «грубый» можно понимать и буквально. Грубый — значит пренебрегающий красивой формой, «в которую облакаются человеческие взаимоотношения»²⁵, а в конечном итоге пренебрегающий и духовными потребностями пациента.

В «Смерти Ивана Ильича» Л. Н. Толстой снова демонстрирует, насколько велика пропасть между пациентом и врачом, понимающим болезнь чисто материалистически. «Для Ивана Ильича был важен только один вопрос: опасно ли его положение или нет? Но доктор игнорировал этот неуместный вопрос. С точки зрения доктора, вопрос этот праздный и не подлежал обсуждению; существенно только взвешиванье вероятностей — блуж-

²¹ *Тургенев И. С.* Отцы и дети // *Собр. соч.* в 12 т. М. : Наука, 1953. Т. 3. С. 289.

²² *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. Куйбышев : Кн. изд-во, 1985. С. 77.

²³ *Толстой С. Л.* Об отражении жизни в «Анне Карениной»: Из воспоминаний // *Л. Н. Толстой / АН СССР.* Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. II. С. 584—586.

²⁴ *Муравьева О. С.* «Во всем блеске своего безумия» (Утопия дворянского воспитания) / О. С. Муравьева // *Русские утопии (Альманах «Канун»).* Вып. 1. СПб. : Изд-во «Terra Fantastic», Изд-во Дома «Corvus», 1995. С. 172.

²⁵ Там же.

дающей почки, хронического катара и болезни слепой кишки. Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а был спор между блуждающей почкой и слепой кишкой...»²⁶. «Страдающая личность» Ивана Ильича в глазах врача попросту отсутствует, он решает совершенно иные задачи: пытается вылечить тело пациента, в то время как истоки болезни, возможно, скрыты в его душе. «Вопрос Ивана Ильича “неуместен” в буквальном смысле — “места” для личности, переживающей опасность — угрозу для своей жизни, в этом мире не предусмотрено. Встраивание моральных дискурсов в аппараты биотехнологий приводит к усложнению практики рассказа историй болезни. Пациент в качестве личности получает в них особое “место” — место “морального субъекта”. Однако дар собственного места одновременно оборачивается его изъятием. Ведь подлинное “место” этого места профану не известно»²⁷, — пишет П. Тищенко. В медицине, которая занимается только телом человека, ответов на экзистенциальные вопросы Ивана Ильича «Что со мной?», «Опасно ли мое положение?», «За что мучения?» либо не существует, либо они даются на устрашающем еще больше, непонятном для «профана» языке.

Связь литературы и медицины, пожалуй, никогда не проявляла себя так полно и разнообразно, как в творчестве А. П. Чехова, с одной стороны, вобравшего в себя опыт предыдущих поколений, с другой — придав ему новую глубину и достоверность. Нередко можно встретить мнение, что образы врачей, созданные писателем, завершают развитие этой темы и все последующие представители данной профессии (вплоть до наших современников) в отечественной литературе — это лишь вариации уже созданного. В произведениях Чехова на врача, как правило, возложена обязанность лечить не только тела, но и души своих пациентов. Бессилие медицины перед лицом людских горестей часто становится причиной душевного слома и апатии у чеховских персонажей, напротив, приближение к идеалу врачевания чрезвычайно вдохновляет их. В рассказе «Палата 1 б» врач Андрей Ефимович Рагин сломлен именно бесполезностью медицины перед лицом смерти, неспособностью медицины подарить людям вечную жизнь, что превращает все усилия врача в «трагическое заблуждение», оттягивание неизбежного. «К чему мешать людям умирать, если смерть есть нормальный и законный конец каждого?»²⁸ — спрашивает он.

Таким образом, у Чехова вновь звучит тема взаимосвязи религии и медицины, их общие претензии на спасение человека. Однако неотвратимость разрушения и смерти телесной оболочки человека лишает врача возможности выступить в роли Спасителя, что парализует волю многих его персонажей. В одном из самых известных произведений Чехова о вра-

²⁶ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Повести и рассказы. Л.: Худож. лит., 1983. С. 153.

²⁷ Тищенко П. Био-власть в эпоху биотехнологий. Биоэтика как моральная аутопсия // http://polbu.ru/tischko_bioauthority/ch30_all.html

²⁸ Чехов А. П. Палата 1 б // Собр. соч. в 12 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 7. С. 134.

че, рассказе «Ионыч», главный герой не столько погряз в мелочах жизни, как принято считать, сколько отказался понимать смысл бытия, если смерть «кладет предел жизни», если «в мире нет ничего, кроме телесности». Душевный слом Старцева происходит на кладбище, где он думает о некогда прекрасных женских телах, ныне зарытых в могилы и истлевших. «Как нехорошо шутит над человеком мать-природа, как обидно сознавать это!»²⁹ — думает Старцев. После осознания неустойчивости всего прекрасного и духовного этот персонаж начинает вести жизнь земную, телесную, постепенно обрастать деньгами, недвижимостью, и сам он также увеличивается в объеме. Теперь его интересуют только самые приземленные вещи. Причиной этого, на наш взгляд, является все же не постепенное забвение прежних ценностей, а именно разочарование в прежних ценностях и идеалах, осознание собственного бессилия.

Старцев пускает все на самотек, потому что не знает, что ему предпринять, чтобы изменить существующее положение вещей. Но далеко не все персонажи Чеховы таковы. Некоторые из них не берут на себя сложных глобальных задач, а стараются в меру человеческих сил приблизиться к идеалу, по возможности спасая человеческое тело и душу. Таковы, например, доктор Дымов из рассказа «Попрыгунья» и врач Королев из «Случая из практики». Необходимо добавить, что во многих произведениях Чехова встречаются и отрицательные образы врачей, относящихся к своей профессии исключительно как к источнику доходов («Сельские эскулапы», «Хирургия» и др.). Есть у него и нейтральные образы врачей, не имеющие явной символической роли. Учитывая, что врач появляется на страницах произведений этого автора 386 раз³⁰, действительно можно предположить, что Чехов «развил все возможные вариации в трактовке этого образа»³¹.

Подводя итоги, можно сказать, что образ врача в русской литературе XIX века не только один из самых распространенных, но и один из самых глубоких и наполненных по количеству тех проблем и вопросов, которые он призван был выделить и заострить. Это и вопрос социального устройства государства, и вопросы религии, морали и этики. Образ врача часто имеет большое значение, когда в произведении речь идет об основных модусах человеческого существования: заботе, страхе, решимости, совести. Это неудивительно, поскольку проникнуть в самый корень человеческого существования можно только в таких пограничных ситуациях, с которыми часто имеет дело именно врач: борьба, страдание, смерть. В русской литературе образ врача прошел длинный и интересный путь от парлатана к романтическому герою, от романтического героя к приземленному материалисту и от материалиста к носителю морали, герою ведающему истиной, знающему все о жизни и смерти, несущему ответственность за других в самом широком смысле.

²⁹ Чехов А. П. Ионыч // Рассказы / А. П. Чехов. М.: Худож. лит., 1963. С. 212.

³⁰ Громов М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. М.: Современник, 1989. С. 240.

³¹ Аникин А. А. Указ. соч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Герцен, А. И. Доктор Крупов // Собр. соч. в 9 т. / А. И. Герцен. — М. : Гослитиздат, 1955. — Т. 8.
2. Гоголь, Н. В. Ревизор // Полное собрание сочинений. В 14 т. / Н. В. Гоголь. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — Т. 4.
3. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007.
4. Пушкин, А. С. NN (В.В. Энгельгардту) («Я ускользнул от Эскулапа...») // Собр. соч. в 10 т. / А. С. Пушкин. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — Т. I.
5. Толстой, Л. Н. Анна Каренина. — Куйбышев : Кн. изд-во, 1985. — С. 77.
6. Толстой, Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Повести и рассказы / Л. Н. Толстой. — Л. : Худож. лит., 1983.
7. Тургенев, И. С. Отцы и дети // Собр. соч. в 12 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука, 1953. — Т. 3.
8. Чехов, А. П. Ионыч // Рассказы / А. П. Чехов. — М. : Худож. лит., 1963.
9. Чехов, А. П. Палата ¹ 6 // Собр. соч. в 12 т. / А.П. Чехов. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1956. — Т. 7.

Критическая литература

1. Аникин, А. А. Образ врача в русской классике // www.portal-slovo.ru/philology/37293.php?ELEMENT_ID=37293.html
2. Белянин, В. П. Тексты о смерти в русской литературе // www.textology.ru/article.html
3. Богданов, К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVII—XIX веков. — М. : ОГИ, 2005.
4. Громов, М. П. Книга о Чехове. — М. : Современник, 1989.
5. Муравьева, О. С. «Во всем блеске своего безумия» (Утопия дворянского воспитания) // Русские утопии (Альманах «Канун»). — Вып. 1. — СПб. : Изд-во «Terra Fantastic» : Изд-во Дома «Corvus», 1995.
6. Неклюдова, Е. С. Домашний врач и женские тайны // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. — СПб. : Алетейя, 2001.
7. Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. ст. — М. : Новое издательство, 2006.
8. Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX в. — М. : Медицина, 1999.
9. Тищенко, П. Био-власть в эпоху биотехнологий. Биоэтика как моральная аутопсия // http://polbu.ru/tischnko_bioauthority/ch30_all.html
10. Толстой, С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной»: Из воспоминаний / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1939. — Кн. II.
11. Ярская-Смирнова, Е. Р. Русскость как диагноз // www.soc.pu.ru/publications/jssa/2000/1/19jarskaja.html